

ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ДНЕВНИКАХ ЭРНСТА ЮНГЕРА

Аннотация: В статье рассматривается поездка Э. Юнгера на Восточный фронт, нашедшая свое отражение в его дневниках. Анализируется повседневная жизнь и нацистская политика на оккупированных территориях Советского Союза. Поездка в зону боевых действий позволила Э. Юнгеру создать собственное представление о трансформации характера войны и степени ожесточения. Исследуются особенности политики уничтожения на Восточном фронте.

Ключевые слова: Германо-советская война 1941–1945 гг., Восточный фронт, нацизм, Э. Юнгер, оккупационная политика.

S. V. Artamoshin

THE WAR OF ANNIHILATION ON THE EASTERN FRONT IN THE DIARIES OF ERNST JUNGER

Annotation. The article discusses E. Junger's trip to the Eastern Front, which was reflected in his diaries. The daily life and Nazi policy in the occupied territories of the Soviet Union are analyzed. The trip to the war zone allowed E. Junger to create his own idea of the transformation of the nature of the war and the degree of bitterness. The peculiarities of the policy of destruction on the Eastern Front are investigated.

Key words: German-Soviet War of 1941–1945, Eastern Front, Nazism, E. Junger, occupation policy.

Осенью 1942 г. гауптманн Э. Юнгер был отправлен в служебную командировку на Восточный фронт, на Кавказ. В условиях войны подобные путешествия достаточно обычны, но эта поездка выглядела несколько странной. Это был не перевод офицера штаба в боевые подразделения на Восточном фронте для усиления штабного состава воюющих войск, если учитывать то, что из Юнгера был никудышный офицер штаба, не представлявший специфики управления воинскими подразделениями.

Это не было командирование прощтрафившегося офицера с целью приведения его в чувства и временного удаления из Парижа, так как Юнгер не имел острых конфликтов, да и вообще уклонялся от парижских склок в военной сфере. Может быть, поездка на Кавказ должна была служить приобретению определенного современного военного опыта? Однако сроки командировки были настолько ничтожны, что исключали саму возможность получения подобного опыта. Может быть, следует данную поездку квалифицировать как инспекторскую миссию, характерную для офицеров Генерального штаба в условиях боевых действий для определения слабых сторон управления войсками? Тогда и в этом случае возникает проблема, связанная с тем, что Юнгер не принадлежал к генштабистской элите. В таком случае, что это было?

Странность кавказского путешествия Э. Юнгера в ноябре 1942 — январе 1943 г. бросается в глаза и требует своего объяснения. Очень часто в литературе встречается отсылка к интерпретации этой поездки как командировки связника заговорщиков в генеральской среде к командующему группой армий «А» генерал-фельдмаршалу Э. фон Клейсту. Но такое путешествие в конце 1942 г. выглядит, по меньшей мере, странным с учетом динамики развития генеральского заговора 20 июля 1944 г. Конечно, можно допустить подобное объяснение. К тому же взгляд Юнгера вблизи, в атмосфере фронта, мог быть полезен, так как сам визитер не воспринимался как член генеральского круга, с ним была связана слава героя былой войны, но никоим образом политическая или военная власть, которая придавала вес в политическом заговоре против Гитлера. Таким образом, поездка Э. Юнгера могла быть поездкой наблюдателя.

Вместе с тем допустимо еще одно объяснение кавказской командировки Э. Юнгера. Это было путешествие в советскую страну как ознакомительный туризм человека, так много писавшего о тотальной мобилизации и наступлении эпохи Рабочего, что личное знакомство с государственным порядком, утвердившим господство рабочего и создание так называемого «рабочего государства», было бы полезным для него. Человеком, который организовал это, был генерал Хайнрих фон Штюльпнагель, глава немецкой военной оккупационной администрации во Франции. В «Первом Парижском дневнике» Э. Юнгер передавал непринужденную беседу между ними, состоявшуюся 16 августа 1942 г.: «Генерал заговорил о русских городах; он считает, что для меня было бы особенно важно побывать в них, прежде всего ради поправок к моему «Рабочему». На что я ответил, что уже давно прописал себе в качестве покаяния посещение Нью-Йорка; впрочем с командировкой на Восточ-

ный фронт тоже согласен» [2, с. 163]. Таким образом, личная заинтересованность Э. Юнгера в поездке в Советский Союз нам представляется достаточно очевидной, но вместе с тем не исключает и роль посланника парижских заговорщиков. В любом случае, роль Х. фон Штюльпнагеля в этой поездке достаточно очевидна. Можно отметить, что впоследствии Э. Юнгер отметил его роль в своей судьбе, включив его в группу лиц, которым он обязан многим. В дневниках «Семьдесят минуто» он перечислил несколько человек, повлиявших на его жизнь: «Хайнрих фон Штюльпнагель, полагавший, что согласно концепции «Рабочего» мне непременно нужно увидеть русскую действительность. Французский врач в форте Сен-Жан, ефрейтор Хенгстман, который пал, вынося меня из-под огня. И опять же отец, который вмешался, когда я безнадежно вляпался» [3, с. 217].

В конечном итоге, отправка Э. Юнгера на Восточный фронт была намечена на начало ноября 1942 г. Перед отправкой ему удалось заехать домой и уже оттуда отправиться вместе с женой Гретой в Берлин, где вечером 12 ноября они остановились у Карла Шмитта в Далеме. Пять дней, проведенных в столице, прошли в общении с друзьями. Именно тогда Карл Шмитт обратил внимание Э. Юнгера на статьи в журнале «Залмоксис», посвященные мандрагоре и символике воды. «Обе принадлежат Мирче Элиаде, издателю, о котором, как и о его учителе Рене Геноне, Карл Шмитт рассказал мне подробнее. <...> Карл Шмитт также подарил мне книгу Де Губернатиса «Мифология растений»» [1, с. 214–215]. Вечером 16 ноября Э. Юнгер отбыл на Восточный фронт. «Вчера в девять часов отъезд с Силезского вокзала, куда меня провожала Перпетуя» [1, с. 216].

Прибыв в Лётцен, Э. Юнгер должен был отправиться самолетом в Киев и дальше на Кавказ, однако погодные условия задержали его на несколько дней. Утром 21 ноября Э. Юнгер сел в самолет и вылетел в Киев, где ожидал самолета на Сталино (Донецк — С.А.), поселился в лучшей гостинице «Палас-Отеле». Чувства, испытанные Э. Юнгером, были подобны культурному шоку от тех бытовых условий, в которых он был вынужден жить. Конечно, оказавшись из французского Парижа в украинском Киеве, он был сильно удивлен условиями и уровнем гостиниц. «Краны, сколько бы я их ни крутил, не давали ни горячий, ни вообще какой-нибудь воды. То же и с клозетом. Так что скверный аромат наполнял весь <Палас-Отель>». Можно сказать, что именно с этих впечатлений начинается знакомство Э. Юнгера с Советским Союзом. При этом, конечно, следует учитывать то, что городская инфраструктура Киева подверг-

лась разрушению войны и во многом уже не представляла того города, который был до войны.

Ранним утром 22 ноября 1942 г. Э. Юнгер вылетел в Сталино, где приземлился в девять часов и после дозаправки через час был в Ростове. В городе он провел два дня, расположившись в офицерском общежитии, которое больше напоминало походный лагерь. Оно располагалось в одном из опустевших домов, «в комнатах которого рядом расположены набитые соломой матрацы и где витает страшная вонь». Впечатления от города у него были также мрачными. Скорее всего, свою роль играли не только архитектурные особенности советского города, но и погода поздней осени и наступающей зимы, которая не могла продемонстрировать красоту природы. Тем не менее, у него сохранилось желание поближе познакомиться с советской действительностью, для чего он отправился путешествовать по городу. «Ходил по городу; все те же унылые картины. Так же, как мои прогулки по Рио, Лас-Пальмасе и на иных побережьях напоминали слаженную мелодию, так здесь все отвращало душу. Видел несколько оборванных детей, они играли на катке и казались мне странными, как луч света в царстве мертвых». Э. Юнгер отмечал отсутствующую систему продовольственного обеспечения города. Несмотря на действующую торговлю, продовольственных товаров на продажу не было вообще. «Единственное, что предлагается на продажу, — черные семена подсолнуха, которые женщины выставляют на обозрение в плоских корзинах на пороге сожженных домов». Ощущалось отсутствие элементарных предметов быта, которых просто негде было приобрести. «К сожалению, я недостаточно экипирован; я и не подозревал, что такие мелочи, как карманное зеркало, нож, нитки, бичевка, являются здесь ценностью. К счастью, я все время сталкиваюсь с людьми, готовыми мне помочь. Нередко они оказываются моими читателями, и их помощь я могу приписывать собственным заслугам» [1, с. 220–221].

Второй день в Ростове принес Э. Юнгеру больше впечатлений. Утром в одной из солдатских казарм ему удалось поесть супа, после чего он отправился вновь гулять по городу. Он обменял деньги, отметив, что «на русских банкнотах все еще портрет Ленина. При расчете служащая пользовалась счетным устройством с грубыми шарами, которые она ловко гоняла туда-сюда». В Ростове он нашел кафе, где купил пирожное за две, а яйцо за три марки. Посетители кафе не производили впечатления радостных людей. «Грустно глядеть на людей, сидящих

в сумрачном ожидании, словно на вокзале перед отъездом к некой пугающей цели, — и это еще привилегированные» [1, с. 221].

Двухдневное знакомство Э. Юнгера с Ростовом подтолкнуло его к первым обобщениям своего восприятия советской системы. Он остался верен себе в плане ярких зарисовок и способности к подчеркиванию деталей, что придает его свидетельствам живой, эмоциональный оттенок. К тому же он исходил от увиденного, и его выводы пронизаны этим, а не штампами и заданными оценками. Можно отметить, что в них также отсутствует обращение к образам Рабочего, хотя, отправляясь на Восточный фронт, он надеялся увидеть реальность тотального государства, о котором писал и на которое возлагал надежды. Его описания пронизаны наблюдательностью и аналитикой. Если Э. Юнгер и обладал какой-то очарованностью СССР, то она быстро рассеялась, что позволило ему писать о советской территории как о стране, «лишенной всякой магии». Э. Юнгер, оценивая советскую действительность и военное состояние, писал: «Глаз должен притерпеться к виду, невыносимо тягостному; нет ничего, на чем бы он мог успокоиться. В порядке только техника — железные дороги, машины, самолеты, громкоговорители — и, разумеется все, что относится к вооружению. И напротив, недостаток в самом необходимом — в питании, одежде, тепле, свете. Еще очевиднее это в отношении более высоких сфер жизни, того, что нужно для радости, счастья и веселья и для щедрой, любящей творческой силы. И все это — в одной из богатейших стран, какие есть на земле» [1, с. 221–222]. Такова оценка сталинского социализма 1930-х годов, даже если сделать скидку на тяготы войны. Она достаточно точна и справедлива. Э. Юнгер сумел за несколько дней увидеть и оценить детали сталинской политики, принимая в расчет детали военного лихолетья, он выделял нищенский советский быт; что оставшимся на оккупированной территории советским гражданам нечего было продать, по причине того, что у них просто не было вещей, которые можно было выставить на продажу. Все вокруг указывало на ощущение катастрофы. «Кажется, здесь заново повторяется история Вавилонской башни. Но не ее строительство, а наступившая затем мешанина языков и всеобщий развал. Эти в общем-то понятные вещи здесь проникнуты ужасом распада. Это та служба, которая завет огонь, так железо притягивает молнию. Проемы окон сожженных рабочих и служебных корпусов сверху, куда пробился чистый огонь, прокалены докрасна; по сторонам раскинулись черные крылья копоти. Полы провалились, на голых стенах болтаются батареи парового отопления. Из-подвалов растет чаща железной арматуры. В грудях

золи роятся беспризорные дети, крюком выискивая остатки дерева. Идешь миром запустения, где хозяйствуют крысы».

Среди жителей Ростова бросались в глаза торговки семечками, мальчишки с сапожными щетками, а также люди, перевозящие на тележках солдатский багаж. При этом автор отмечал, что они охотнее в качестве платы берут хлеб и сигареты, чем деньги, что указывает на роль натурального обмена, который становится определяющим в условиях голода. Внешний вид советских людей указывает на материальную нужду, которую они испытывали. Э. Юнгер отмечал, что «одевание стало укутыванием; кажется, люди натянули на себя все вещи, которые имеют, и не снимают их на ночь. Пальто встречаются реже, чем толстые стеганные кители (скорее Э. Юнгер имеет в виду фуфайки — С.А.), которые, впрочем, как и все остальное, представляют собой лохмотья. На голове шапки с наушниками или опущенными отворотами; часто видишь советский головной убор песочного цвета, ткань его на затылке вытянута наподобие острия шлема (речь идет о «буденовке» — С.А.). Почти все люди, а в особенности женщины, ходят с мешками на плечах. Впечатление посвященной тасканию грузов жизни — таков их вид. Их перемещение беспокойно и быстро, но лишено видимой цели, как в потревоженном муравейнике» [1, с. 222].

Именно в Ростове до Э. Юнгера дошло эхо советского успеха под Сталинградом. Он понял это по неожиданному изменению в действиях военной комендатуры. «Днем задержали отпускников, ожидавших своих поездов, и в наспах сформированных воинских соединениях отправили на фронт. Значит, русские прорвались к северу от Сталинграда» [1, с. 223]. Вечером 23 ноября Э. Юнгер покинул Ростов и отправился в Кропоткин, куда прибыл ранним утром 24 ноября и до подхода поезда на Ворошиловск (Ставрополь — С.А.) смог поспать на стойке буфета в зале ожидания. Он записал 24 ноября: «Всего за два дня я привык к жизни в переполненных купе, в холодных залах, без воды, без удобств, без горячей еды. Но есть люди, которым еще хуже, — это русские, стоящие на ледяном ветру на грузовых платформах или на подножках вагонов» [1, с. 223]. Поздним вечером 24 ноября Э. Юнгер прибыл поездом в Ворошиловск.

Оказавшись в Ворошиловске, Э. Юнгер обосновался в гостинице. Она была расположена в бывшем здании ворошиловского управления НКВД, в котором ему была выделена комната. «Я жил в здании ГПУ, выделяющемся колоссальными размерами, как все, что имеет отношение к ведомству полиции и тюрем; я получил комнату со столом, стулом и, что самое главное, с целым стеклом в окне. Кроме того, я нашел

осколок зеркала. Опыт последних дней заставил меня понять ценность подобных вещей» [1, с. 224]. Отдохнув, Э. Юнгер совершил прогулку по городу. Ворошиловск (Ставрополь) — город туманов, встретил его дождем. «Погода дождливая, улицы покрыты грязью. Пока что я застрял здесь. Кое-что на улицах, которыми я ходил, кажется более привлекательным, чем все виденное до сих пор. Прежде всего тепло, которым веет от домов царского времени, тогда как все эти советские коробки повсюду задавили страну» [1, с. 224].

Знакомясь с городом, Э. Юнгер посетил исторический музей, где узнал, что старое название города Ставрополь, а также 1 декабря 1942 г. посетил Институт чумы, где познакомился с научным руководителем профессором Хохом, обрусевшим немцем, который оказался в Ворошиловске после приговора к ссылке и с тех пор руководит институтом. Взятие немецкими войсками Ворошиловска изменило жизнь научного учреждения. «Так как Институт чумы получает в больших количествах вакцину, к нему после вхождения немецких войск была приставлена охрана. Для снабжения ему выделили колхоз, в котором русское государство до этих пор содержало и кормило восемьсот душевнобольных. Чтобы освободить хозяйство для института, этих больных уничтожила служба безопасности. В подобной акции сказывается стремление творцов идеологии заменить мораль гигиеной, точно так же, как правду — пропагандой» [1, с. 232]. В этой истории с Институтом чумы Э. Юнгер увидел изнанку политической войны, воплотившейся в деятельности айзатцгрупп, уничтожавших политических и мировоззренческих врагов. Их кровавый путь вызывал осуждение и настолько психологически воздействовал на него, что заставлял его занять четкую позицию. В ней прослеживалось стремление провести черту между солдатами и убийцами, не находя никаких оснований для их отождествления. 2 декабря 1942 г. он записал: «Дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять. Злодеяния уничтожают все, людское пространство становится нежилым, будто из-за припрятанной падали. При таком соседстве вещи теряют свою душу, вкус и аромат. Дух изнемогает на задачах, которые он ставит перед собой и которые могли бы его увлечь. Но именно вопреки этому он обязан бороться» [1, с. 232–233]. Эти злодеяния сильно затронули душу писателя, и вновь он ощутил, как природа способна врачевать это состояние, давать новые силы к жизни. Когда в воскресенье 6 декабря 1942 г. легкий снег запорошил землю, он увидел в этом символический акт обновления в пораженном ужа-

сами и жестокостями мире. «Заносит снегом зло», — грустно записал он в дневнике [1, с. 234].

Фактически остановившись в Ворошиловске на две недели, Э. Юнгер смог понаблюдать за жизнью и поведением советских людей и оценить достижения советского строя. Можно удивляться тому, насколько мало нужно для того, чтобы понять те изменения, привнесенные большевистской революцией и сталинским строительством в жизнь населения. В записи от 6 декабря он отметил, что «ощущаешь, чего лишила этот край абстрактная идея, и как бы он расцвел под солнцем благой отеческой власти» [1, с. 234]. На следующий день это размышление было дополнено: «Я поднялся на колокольню, представляющую собой восьмигранную башню на четырехугольном цоколе, несущую наверху купол в виде плоской луковицы. Впервые я увидел всю местность с ее вытянутыми прямоугольными кварталами приземистых домов, из которых то тут то там торчал гигантский новострой — казарма или управление полиции. Итак, чтобы понастроить эти ящики, пришлось уничтожить несколько миллионов человек» [1, с. 236–237].

Природа Кавказа настолько поразила Э. Юнгера, что он не смог сдержать своего восхищения. Бесконечные просторы, наступившая зима с ее мягким снегом, необыкновенно чистый воздух и горы вызывали в нем радость. «Эльбрус с его двойной вершиной и серебрящимися в утреннем свете заснеженными склонами встает, казалось, сразу за воротами, хотя на самом деле он находится на расстоянии четырех дней пути. Темная цепь гор Кавказа, из которых он вздымается, кажется крошечной. Давно уже не видел, чтобы земля вот так представала перед моим взором, — как рукотворное создание Господа» [1, с. 237]. Вечером 8 декабря Э. Юнгер выехал в 17-ю немецкую армию в Кропоткин специфическим курьерским поездом в виде машины, тянувшей на путях грузовой вагон, где он должен был пересесть на поезд до Белореченской. Весь день 9 декабря он провел в Кропоткине в ожидании поезда и 10 декабря прибыл в Белореченскую.

Днем 10 декабря 1942 г. Э. Юнгер имел встречу и беседу с командующим 17-й немецкой армией генерал-полковником Руаффом, которому он передал привет от Генриха фон Штюльпнагеля. Они побеседовали о текущей военной обстановке и сложностях войны на Кавказе, где солдаты страдали не только от холода, но и мокроты и сырости, а также проблем снабжения частей из-за расстроеной системы коммуникаций. На следующее утро он должен был отправиться в Майкоп, но поездка была перенесена из-за соображений безопасности на вечер. При-

быв туда 12 декабря, он остановился в гостях у начальника снабжения, который разместил его в отдельном доме. Э. Юнгера поразило отсутствие в доме освещения. «Поселили в доме, где не было света, за исключением крошечного язычка пламени, освещавшего икону» [1, с. 245]. Отдохнув, на следующий день он поехал по дороге на Туапсе. Там он мог увидеть следы недавних боев, которые сохранились вдоль дорог, где он вновь заметил знакомые картины войны, сопровождающие ее постоянно. «Ехали по дороге на Туапсе, ставшей знаменитой благодаря наступлению немецких егерских полков и обороне русских. Полотно было уже очищено; только тяжелые машины — это были катки и трактора — виднелись порой на откосах. В чаще лежала насквозь замороженная лошадь, у которой мясо было срезано только с верхней половины тела, так что со своей обнажившейся грудной клеткой и вывалившимися из разреза голубыми и красными кишками она напоминала анатомический атлас» [1, с. 245–246]. Здесь он впервые за свою поездку на Восточный фронт столкнулся с запахом войны, и это отразилось на его наблюдениях. Если ранее его внимание привлекали бытовые картины, которые радовали или шокировали заезжего путешественника, то теперь он начинает как фотограф фиксировать лицо войны. Его наблюдения четки и анатомичны, как всегда. Ощущая единство военного опыта, Э. Юнгер грустно заметил, что эту войну «рассказывать будут только выжившие, как и вообще вся история пишется ими» [1, с. 246].

С 13 по 18 декабря 1942 г. Э. Юнгер находился на немецких позициях в районе Куринской. Сопровождаемый обер-лейтенантом Хойслером, он присоединился к группе генерала Фогеля и отправился на командный пункт 228-го пехотного полка, карабкаясь вверх по узкому и крутому ущелью. Оказавшись на позициях роты, он познакомился с молодым командиром роты, который предложил ему осмотреть расположение подразделения. Передвигаясь по траншее, они попали под автоматный обстрел. Видимо, их движение было замечено с советских позиций. Пули рикошетом отлетали от деревьев, одна из них даже сорвала мушку пулемета. Они с командиром роты укрылись и переждали обстрел. Э. Юнгер почувствовал отличие с собственным поведением в годы Великой войны, когда он бы непременно принял участие в перестрелке с противником. Он отмечал: «Мы прыгнули в укрытие и переждали бой. Подобные положения видятся мне теперь полукомическими, полудосадными. Возраст или, скорее, состояние, в котором эти вещи кажутся увлекательными, когда стараешься превзойти самого себя, остались для меня в далеком прошлом» [1, с. 252]. Добравшись до медицинского пункта и пообщав-

шись с доктором Фуксом, Э. Юнгер обратил внимание на характерную черту. «Пункт никак не помечен; красный крест не имеет здесь никакого авторитета. Только вчера разорвался снаряд в соседнем доме, тяжело ранив одного санитаря» [1, с. 253].

На следующий день он совершил подъем на Сарай-гору, вершина которой была в руках красноармейцев. Передохнув на позициях командира роты, он вместе с ним поднялся на наблюдательный пункт, который две недели назад был прорван противником, уничтожившим всех, кто там находился. «Могильные кресты венчали высоту; они были обвиты рождественскими розами. Оттуда была видна вершина — лысая глава с бункерами в ближнем кустарнике». Он обратил внимание на сопровождавшего его переводчика. «Мне показалось, что стали заметнее пергаменный оттенок его кожи, неподвижность взгляда, который я наблюдал у тех, кто стремится участвовать в таких кровопролитиях. Ставшая автоматической привычка к убийству в состоянии производить физиогномически те же разрушения, что и механический секс». Вернувшись в расположение полка, он побеседовал с генералом Фогелем, который выделил для него вооруженный конвой, чтобы он безопасно вернулся в Куринскую, так как «только вчера после наступления темноты двое связанных были застрелены с тыла и ограблены вплоть до рубах» [1, с. 255]. Вернувшись в Куринскую, 19 декабря он попытался добраться до командного пункта 97-й пехотной дивизии вместе с ее командиром генералом Руппом. Карабкаясь по горным тропкам, он достиг немецких позиций. Здесь его близость к советским позициям была настолько явной, что с наблюдательного пункта он мог рассмотреть их перемещение и при этом вновь отметить отличие в собственном поведении по сравнению с опытом Великой войны — он лишь наблюдал. «На голый, покрытый снегом площадке бинокль различил группу русских, казалось, бесцельно окружавших ее то с одной, то с другой стороны, как муравьи подползавших к ней. В первый раз, как того не желая, я наблюдал за людьми, как в телескоп, наставленный на луну. Мысль: в Первую мировую войну отдали бы приказ стрелять в них» [1, с. 258]. Осматривая позиции батальона, Э. Юнгер отметил, что общее состояние окопной жизни мало чем изменилось, но отличия от былой войны разительны. Вместо сплошных окопных линий ячейковый или штольный принцип размещения солдат, отсутствие глубокого инженерного эшелонирования боевых порядков и большие потери в боевых подразделениях, которые бессменно находились на позициях уже два месяца, под постоянным интенсивным обстрелом противника. «То, что сильно стреляли,

видно по лесу. В нем зияет множество воронок, среди них новые, свежие, с краев которых осыпается земля. В них еще чувствуется удушливая гарь, снесены верхушки деревьев» [1, с. 260]. Э. Юнгер, как опытный наблюдатель, отметил одну характерную черту. Несмотря на изможденность и усталость солдат от боев, измотанность командиров, чьи измученные, небритые, не спавшие несколько суток лица демонстрировали всю тяжесть ситуации, несмотря на постоянные обстрелы и возникающее безразличие к жизни, среди солдат поддерживалось уважение к смерти и памяти погибших. «Посреди этой заваленной военным мусором пустыни я заметил ряд содержавшихся в чистоте могил, украшенных к рождеству ветками падубы и омелы» [1, с. 258].

Наблюдая за солдатами и офицерами, Э. Юнгер отметил притупление чувства страдания. Если в предшествующую войну разговоры об этом тоже имели место, то сейчас изменение отношения выразалось в том, что страдание превращалось в постоянный спутник войны, переставало выделяться. Хотя следует признать, что страдание всегда сопровождает войны, но нынче оно стало обязательным элементом войны. Он записал 21 декабря: «Все эти разговоры я уже слышал в Первую мировую, однако ныне ощущение страдания притупилось, стало принадлежностью войны, скорее правилом, чем исключением. Мы здесь в одной из самых больших в мире мясорубок, какие были известны со времен Севастополя и русско-японской войны» [1, с. 261]. Притупление чувства страдания и человечности находило выражение в отношении к погибшему противнику или гражданскому населению. «На склоне при спуске лежал мертвец (один из привлеченных из числа гражданского населения носильщиков амуниции — С.А.), облепленный глиной с головы до ног, с которых были украдены сапоги. Лицо его было закрыто длинными черными волосами. Его едва можно было отличить от окружавшей его грязи. Генерал (генерал Рупп, командир 97-й немецкой пехотной дивизии — С.А.) наклонился над ним и пошел дальше, не говоря ни слова. Никогда еще не видел я мертвого человека, по отношению к которому любое пришедшие на ум замечание выглядело бы таким неуместным, как здесь. Предмет, выброшенный на берег морем человеческого безразличия» [1, с. 256]. Схожая картина касалась и трупа красноармейца, погибшего в бою. «У самой воды облепленная грязью фигура — мертвый русский, лежащий лицом вниз, уткнувшись, словно во сне, в правую руку. Видны черный затылок, черная рука. Труп так разбух, что все туго слилось в сплошной, раздутый, с натянутой оболочкой предмет, вроде кожи на тюлене или на большой рыбе. Так и лежал он здесь,

вроде прибитой волнами кошки, ужас и кошмар этих мест. На Урале. В Москве или в Сибири дети и жена еще долго будут ждать его. В дополнение к этому разговору на <такую> тему, и вновь меня поразило всеобщее оупение даже среди образованных людей. Люди чувствуют себя частью машины, в которой на их долю выпало только пассивное участие» [1, с. 261–262]. В конечном счете, его размышления об отношении к убитому противнику резюмируются обобщением, что «брошенные трупы, видимо, становятся системой — не для людей, но для демона, хозяйничающего в таких местах. Злая необходимость погоняет всех» [1, с. 262–263].

Рождество 1943 года Э. Юнгер встретил на Восточном фронте, в Куринской. В маленьком доме, бывшем ранее баней, капитан Дикс собрал группу офицеров. Подали жаренного гуся и крымское сладкое шампанское. Приятным подарком для Э. Юнгера были письма, которые принес де Марте во время праздника, из которых четыре письма были от жены [1, с. 265–266]. «Утром служба одного молодого католического священника, превосходно справившегося со своими обязанностями. Потом причащение у евангелического пастора, молодого унтер-офицера, делавшего свое дело также с большим достоинством» [1, с. 267]. Это Рождество омрачалось тяжелым военным положением, в котором оказалась 6-я немецкая армия под Сталинградом, и не случайно, что, отмечая этот праздник в маленькой баньке, они вспомнили про окруженных в кольце солдат. Вообще, с момента прибытия на Кавказ, Э. Юнгер не упускал из внимания сталинградскую проблему, и его понимание ее было достаточно адекватным. Еще 21 декабря он отметил, что направление советского удара нацелено на Ростов-на-Дону, который выступал «стратегической целью наступления русских. Так всегда есть шанс быть втянутым в массовую катастрофу, подобно рыбе в стае, хотя сеть и ставят вдали от нее. Однако лишь от нас зависит, станет ли массовая смерть — смерть, когда правит ужас, — также и нашим уделом» [1, с. 262]. 24 декабря ситуация вокруг Сталинграда становилась все более осознаваемой. Э. Юнгер вспоминал, что за столом они вспомнили 6-ю армию. «Если ей придется погибнуть в окружении, то зашатается вся южная часть фронта, и это будет именно то, что Шпейдель предсказывал мне весной как вероятное следствие кавказского наступления. Он полагал, что оно повлечет за собой <раскрытие зонтика>, т.е. создание длинных фронтов с узкими подступами» [1, с. 265]. В рождественский день он встретил своего знакомого обер-лейтенанта Штрубельта, с которым также обсуждал Сталинград, и существовало ощущение, что все

начинает вращаться вокруг него. «Днем в ущелье Мирное со старшим лейтенантом Штрубельтом, одним из умнейших учеников Хильшера. Во время беседы с ним, касавшейся положения 6-й армии, как никогда прежде мне стало ясно то обстоятельство, что каждый из нас замешан в этот котел, даже если физически не присутствует в нем. По отношению к нему не может быть нейтралитета» [1, с. 267].

27–28 декабря 1942 г. он находился в Ашперовской и выехал в сторону Кутаиса, где пробыл 30 и 31 декабря 1942 г., вернувшись обратно в Ашперовскую. В тот же день 1 января 1943 г. он попал в Ашперовской под советскую бомбежку, которую благополучно пережил. Утром 2 января 1943 г. он вернулся в Майкоп. Прогуливаясь по майкопскому парку, он обратил внимание на советскую скульптуру, расположенную в нем, когда «крошатся гипсовые фигуры современных сверхчеловеков». Э. Юнгер имеет в виду типичные рабоче-крестьянские или спортивные фигуры соцреализма, выставленные во многих советских парках. Днем 2 января 1943 г. он был принят генералом Конрадом, обрисовавшим мрачную картину происходящего. «Он показал мне на столе огромную карту и сказал, что готовится отступление. Удары, нанесенные 6-й армии, расшатали все южное крыло. Он полагает, что наши силы за последний год были растрчены в пустую людьми, разбирающимися в чем угодно, но только не в умении воевать. Особенно дилетантским является пренебрежение к созданию ударной группы войск на главном направлении; Клаузевиц перевернулся бы в гробу. Следуют за любым капризом, за любой случайной идеей, пропагандистские цели вытесняют стратегические. Можно захватить Кавказ, Египет, Ленинград и Сталинград, но не одновременно же! — И при этом существуют еще несколько побочных планов» [1, с. 276]. Эта беседа была первым критическим выпадам против верховного командования, подчеркивающего гигантоманию гитлеровских планов 1942 г. Если следовать императиву о зондировании Э. Юнгером антигитлеровской позиции генералитета, то это было первое конкретное проявление подобных взглядов, которое, все же, было слишком эмоциональным и сказанным в момент планирования масштабного отступления германских войск.

3 января 1943 г. Э. Юнгер на самолете Физелер Шторх вылетел из Майкопа в Черкесск, откуда на машине двинулся в долину Деберды, где его ожидал полковник фон Ле Сюир, командовавший боевой группой горных стрелков, с которым он был знаком по службе в рейхсвере. Э. Юнгер высказал пожелание отправиться в боевые порядки горных стрелков. Полковник выделил ему мотоцикл на гусеничном ходу, чтобы

он смог добраться до командного пункта гауптмана Шмидта, который со своими горными стрелками перекрывал наверху два перевала. Картина природы, увиденная им, просто поражала. «Высоко наверху, в котловине Аманауса, стоят деревянные здания школы альпинистов и санатория. Шмидт принял меня на своем командном пункте, над которым высились ледяные великаны: слева массив Домбай-Ельген, затем острый Карачаевский пик, восточная и западная Белая Кайя, а между ними своеобразный рог горы Суфрудшу. <...> Я намеревался как можно дальше оставаться здесь наверху, поднимаясь время от времени в этот ледниковый мир. Мне было хорошо здесь; я чувствовал, в этих массивах круятся гигантские источники жизни, что остро ощущал еще Толстой. Но пока я обсуждал со Шмидтом подробности моего пребывания, из Теберды пришел радиошифр, незамедлительно требовавший моего возвращения. Это означало, по-видимому, что положение под Сталинградом ухудшилось» [1, с. 279–280].

Возвратившись в Теберду, Э. Юнгер узнал от полковника фон Ле Сюира о начале масштабного отступления с кавказских позиций. Это было вызвано угрозой советского наступления, которое могло отрезать для кавказской группировки возможность отхода и создать кавказский котел. Поэтому командованием было принято решение о быстром выводе войск. Отступление начинали части 1-й танковой и 17-й немецких армий. Вместе с немецкими войсками уходила и часть гражданского советского населения, в свое время брошенная властями на произвол судьбы и теперь вполне обоснованно опасавшаяся жестоких репрессий со стороны советских властей. Так, Э. Юнгер упоминает в дневнике о девушках, работавших в офицерской столовой. «Они плакали и говорили, что русские перережут им глотки; пришлось полковнику им найти местечко у троса». Тоже касалось и коренного населения, оказавшегося в не менее тяжелом положении. «Тут карачаевцы в своих черкесках, верхом на лошадях; они отгоняют скот или сворачивают в боковые долины. Эти люди в трудном положении, они встретили немцев, как освободителей, и теперь им придется, если только они не присоединятся к отступлению, укрываться в недоступных местах, чтобы избежать кровавой расправы. Самое страшное — постоянная смена властей, взимающих все более кровавую плату за частую смену заблуждений» [1, с. 280, 282]

7 января 1943 г. Э. Юнгер вновь прибыл в Ворошиловск, где застал картину отступления, характерную как для штаба группы армий «А», так и для солдат и гражданского населения города. Посещение штаба группы армий произвело на него удручающее впечатление, но там он

увидел всю глубину и серьезность складывающейся ситуации и понял, что его поездка близится к концу. «В штабе настроение было еще более подавленным, чем в войсках; дело в том, что здесь ситуация была яснее. Котел вызвал то состояние духа, какого еще не знали в прошлые войны нашей истории, — оцепенение, сопутствующее приближению к абсолютному нулю. Дело не в фактах, как бы ужасны они ни были сами по себе, не в морозе и снеге, не в гибели среди массы трупов и умирающих. Речь идет о состоянии людей, верящих, что разгром неизбежен. В штабах лучше всего слышно шуршание набрасываемой сети, почти ежедневно кто-нибудь попадает в ее петли» [1, с. 283]. Днем 8 января 1943 г. Э. Юнгер нанес визит главнокомандующему Э. фон Клейсту, которого он застал озабоченно склоненным над картой. Ему прекрасно была понятна направленность ближайших ударов Красной Армии, и, стремясь упредить их, он начал вывод войск из планируемого советского капкана. «Ситуация для главнокомандующего чрезвычайно упростилась. Эта ясность носила, однако, демонический характер. Частные судьбы исчезли из поля зрения, присутствуя в то же время незримо в виде сгустившейся, невыносимо давящей атмосферы». В ходе этой прощальной беседы Э. фон Клейст проявил заботу о нем, обеспечив его быстрый отъезд из Ворошиловска. Э. Юнгер записал, что, выйдя от главнокомандующего, случайно встретил обер-лейтенанта Краузе. «Он ожидал самолет из Берлина и предложил мне вернуться вместе с ним. Пока мы об этом говорили, начальник отдела кадров при главнокомандующем сообщил мне, что в курьерском самолете, вылетающем завтра утром из Армавира, оставлено место для меня. Машина идет туда через два часа» [1, с. 285].

В день своего отъезда из Ворошиловска 8 января он отметил: «С утра на рынке, полно народу. Ситуация располагает к продаже, так как легче увести деньги, чем товар. Еда обильна; растранижируют припасы. В садах я видел солдат, коптящих гусей; на столах громоздятся горы свинины. Я ощущаю панику, предвещающую близость Восточной армии» [1, с. 285]. Доехав на автомобиле до Армавира, в шесть часов вечера 8 января 1943 г. он вылетел на блестящем зеленом самолете с названием «Globetrotter» («Путешественник» — С.А.) под управлением пилота из принцев Кобург-Готов. После дозаправки в Ростове, 9 января самолет приземлился в Киеве, откуда через сутки отправился в Лётцен. Поездка Э. Юнгера на Восточный фронт завершилась.

Поездка на Кавказ дала ему возможность познакомиться и побеседовать с участниками боев, увидеть фронт своими глазами. Его убежденность в ожесточенности войны и ее ином характере по сравне-

нию с Западным фронтом в полной мере подтвердилась. «Даже между регулярными частями борьба идет не на жизнь, а на смерть. Солдат отдает последние силы на то, чтобы не попасть в руки врага, и этим объясняется стойкость, с какой сопротивляются в котле (речь идет о Сталинграде — С.А.). <...> Противники не ждут пощады друг от друга, и пропаганда укрепляет их в этом сознании. Так, прошлой зимой сани с ранеными русскими офицерами заехали по ошибке на немецкие позиции. Прежде чем обитатели траншеи заметили их, они подорвали себя гранатами. За пленными охотятся постоянно, чтобы заполучить как рабочую силу, так и перебежчиков. Партизаны же тем более стоят вне законов войны, если вообще о таковых еще может идти речь. Их обкладывают в лесах, подобно волчьим стаям. <...> Теоретически это выглядит весьма убедительно, на практике же неминуемо ведет к тому, что поднимают руку на беззащитных. На самом деле подобное хладнокровие можно представить только в схватке со зверем или в войнах, которые ведутся между атеистами» [1, с. 242–243]. Ожесточенность войны, вовлечение в нее иррегулярных сил разных возрастов и пола приводили только к усилению террора, а также к расширению репрессивных акций. Ситуация, когда солдаты могли испытывать опасность уничтожения со стороны любого человека любого возраста и пола меняло характер войны. Беспощадность войны приобретала еще большую беспощадность, поэтому Э. Юнгер с некоторым содроганием слушал одного саксонского генерала, который сказал: «Я считаю совершенно ошибочным мнение, что не следует ликвидировать захваченных с бандитами тринадцати-, четырнадцатилетних мальчишек. Из тех, кто, подобно им, вырос в лесу без родительского призора, уже никогда ничего путного не выйдет. Пуля — единственное правильное решение в таких случаях. Впрочем, русские так с ними и поступают. В доказательство он рассказал о фельдфебеле, из сострадания взявшего на ночь двух мальчишек девяти и двенадцати лет; утром его нашли с перерезанным горлом» [1, с. 244–245]. Подобный характер ожесточения был особенностью этой войны. Э. Юнгер сделал акцент именно на это, а не на идеологические или расовые моменты. Именно жестокость в отношении всех делала Вторую мировую войну уникальной войной в эпоху мировых войн. Нахождение на Восточном фронте представило ему более ужасающую картину. В Кутаисе он пишет о Майвеге с его «минералогической бригадой», в которую он отобрал из лагерей русских пленных для восстановительных работ: «бурильщики, геологи, местные рабочие-нефтяники одной воюющей частью использовались на вокзале в качестве грузчиков. Их

было пятьсот человек, из которых триста пятьдесят умерло на обочинах. Когда вернули оставшихся, умерло от истощения еще сто двадцать, так что осталось только тридцать» [1, с. 273]. В Киеве он записал трагическую судьбу военнопленных киевского лагеря, подчеркивающую всю бесчеловечность нацистского отношения к военнопленным. «Обитатели большого лагеря заключенных, запертые там, питались вначале кониной, затем занимались каннибализмом и в конце концов умерли от голода» [1, с. 286]. Возвращаясь с прогулки по Ворошиловску, Э. Юнгер сам увидел советских военнопленных, что в целом подтвердило ту картину, которую он себе представлял по рассказам других людей. Они расходились в деталях, но общий подход просматривался достаточно четко. Вот что он записал 7 декабря 1942 г.: «На обратном пути я проходил мимо группы пленных, работавших под присмотром на дороге. Они расстелили на обочине шинели, и проходящие клали туда иногда свои малые дары. Я видел бумажные деньги, куски хлеба, луковицы и помидоры, из тех, что здесь готовят зелеными в уксусе. Это была первая черточка человечности, увиденная мною в этих местах, если не считать нескольких детских игр и прекрасного товарищества среди немецких солдат. Но в этом эпизоде соединились все: жители в роли дающих, закрывающие на это глаза охрана и несчастные пленные» [1, с. 237].

С началом подготовки отступления активизировалась антидиверсионная деятельность немецких войск, и в плен попали бойцы диверсионных отрядов. Э. Юнгер не уточняет их судьбу, но для него важнее понять их природу, мотивацию действий. Действия диверсантов играли важную роль в усилении репрессий оккупационной администрации, с чем он сталкивался в Париже, поэтому стремление сравнить действия и природу этого явления в двух различных странах должно было помочь ему понять сущность самого явления. Э. Юнгер приводит рассказ офицера абвера армейской группировки о задержании одной из таких групп. «Офицер абвера армейской группы войск рассказал мне подробности об одном таком отряде, состоящем из шести человек: трех мужчин и трех женщин. Из мужчин двое были офицеры Красной Армии и один — радист; из женщин — одна радистка, другая — разведчица и стряпуха, третья — медсестра. Их захватили, когда они ночевали в стогу. Они не смогли выполнить задание по взрыву моста, так как парашют с взрывчаткой приземлился в деревне. Женщины-гимназистки служили в Красной Армии и были направлены на курсы диверсантов. После окончания курсов их посадили в самолет и вытолкнули за немецкой линией фронта, не ознакомив с заданием. Экипировка со-

стояла из автоматов — один из них был и у медсестры, — а также рации, консервов, динамита и санитарной сумки. Человеческая черта: при аресте одна из девушек кинулась к русскому врачу, сопровождавшему бургомистра и немецких солдат, пытаясь его обнять и обращалась к нему как к отцу. Затем она заплакала и сказала, что он похож на ее отца. В этих людях оживают старые нигилисты 1905 года, разумеется в других обстоятельствах. Те же средства, те же задачи, тот же стиль жизни. Только взрывчатые материалы им теперь предоставляет государство» [1, с. 284].

Жестокость выражалась в серии массовых убийств гражданского населения, о которых ему доводилось слышать. Причастность к ним айзацгрупп СС упоминается достаточно часто, но не единожды в его дневниках нет свидетельств об участии в этих акциях солдат вермахта. Его отношение к данным действиям исключительно отрицательное. Эта территория смерти табуирована для него, и к ним он относил «все те места, где поднимают руку на беззащитных и где пытаются действовать путем репрессий и акций массового уничтожения. Я, впрочем, не жду изменений. Все это в духе времени, хотя бы потому, что стало своего рода эпидемией. Противники в этом недалеко ушли друг от друга. Но, может, надо было бы исследовать эти места ужаса, в качестве свидетеля увидеть все и понять, кто они — участники или жертвы» [1, с. 244]. Круг общения Э. Юнгера позволял ему фиксировать различную информацию, и, в отличие от зарисовок о СССР, они сопровождались комментариями и оценками. Это вызвано тем, что тема массовых убийств волновала его в контексте преступлений политического режима, которые становятся чертой современности. «Так, генерал Мюллер рассказывал о чудовищных позорных акциях службы безопасности после взятия Киева. Снова упоминался туннель с отравляющим газом, куда завозили поезда с евреями. Эти слухи, и я записываю их в качестве таковых, но наверняка массовые убийства в огромных количествах имеют место» [1, с. 273]. Здесь можно отметить, что он проводил разделительную черту между солдатами и политическими убийцами, считая последних выразителями партийной политики. Для него эта была одна из отличительных черт Второй Мировой войны, на которую следовало обратить внимание. Её разрушительное воздействие на человеческую природу огромно.

Учитывая то, что одной из задач кавказской миссии Э. Юнгера было прощупывание позиции генералитета на предмет возможного вовлечения в антигитлеровский заговор, и он должен был составить стороннее впечатление об этом, представляет интерес его вывод, сделанный в ходе поездки. Наблюдения привели его к умозаключению о том, что

офицерский корпус постигло «всеобщее отупение», превратившее их в пассивных наблюдателей или исполнителей государственной воли. Они лишены самостоятельности и политической решительности. Поэтому его поездка с этой стороны не внушала какой-то надежды на положительное решение. Видимо, не случайно он сравнивал себя с Чичиковым. «Как Чичиков в <Мертвых душах> объезжал помещиков, так разъезжаю я здесь среди генералов и наблюдаю их превращение в рабочих-исполнителей. Надежды, что среди них появится Сулла или хотя бы Наполеон, следует оставить. Они умеют только приказывать, их можно переставлять и заменять, как части в машине, используя любую деталь, какая поможет лучше» [1, с. 256–257].

Чем же являлась кавказская поездка Э. Юнгера? Её странность и загадочность не объясняются Э. Юнгером напрямую. С учетом его служебного положения можно предполагать, что он был командирован туда как человек, которого кое-кто знал лично, но большинство знали, прежде всего, как писателя и хрониста Великой войны. Вполне допустимо, что он мог лично обсуждать сложное положение армии и вероятность какой-то военной диктатуры, но об этом он упоминает только раз. Нельзя исключать того, что в этой поездке была и туристическая составляющая, позволившая бы ему увидеть советский «рай». Несмотря на различные факторы, эта поездка сохраняет свою странность. Э. Юнгер старается посетить не только генералов, а рвется на передний край и попадает под артиллерийский удар. Его посещение передовой уже не связано с генеральскими проблемами. В этом было что-то личное, желание вновь почувствовать дыхание войны. Самым ценным в кавказской поездке были наблюдения, которые он из нее вынес. Поэтому нам представляется, что он был отправлен туда как наблюдатель. В дневнике нет никакого упоминания о реакции на его поездку. Вернувшись в Париж, он очутился в сердце военного заговора, который на Восточном фронте был невозможным.

Литература.

1. Юнгер Э. Кавказские заметки// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941–апрель 1945)/ Пер. с нем.— СПб., 2002.
2. Юнгер Э. Первый Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения (февраль 1941–апрель 1945)/ Пер. с нем.— СПб., 2002.
3. Юнгер Э. Семьдесят минуто: дневники 1965–1970/ Пер. с нем.— М., 2011